

Сорок калик

Ай на горáх-то, горáх-то высоких,
А на тéх же на горáх да увалистых
Собиралисе калики да перехожиа,
А перехожи калики да переброжия,
А сорок ле калик со каликою,
А молилися ле Кресту да Спасителю.
«А хто из нас, братцы, да заворуетця,
А еще да хто из нас, братцы, за блудóм пойдёт —
А не ходите не к царю, не к царице же
Не с той с просьбой великой,
А судите такова нонеча своим судóм:
А копайте такова в землю до пояса,
А язык оттягнуть его теменем,
А ретивó ле серцё — между крыльцами».
Ай помолились Кресту да Спасителю,
А брали сумочки сафьяные,
А пошли по дорожецьки широкое.
А день ли идут оне, второй идут,
А подходят ко городу стольнему Киеву.
А повстречаёт им навстречу Владимир-князь,
А Владимир ли князь был стольне-киевский.
Он поехал за охвотою к синему морю,
А за тема за гусями, за лебёдушками.
А увидел ле князь всё калик он,
А увидел-де князь, с ими поздоровкался:
«А уж вы здравствуйте ле, калики перехожиа,
А перехожиа калики, переброжия!
А спойте ле, калики, про Еленьской стих,
А навеку ле я про стих не слышал про его!»
А становилисе калики во единой круг,
А втыкали калики да всё копеецька,
А вешали сумоцки на копеечка,
А стали калики во единой круг,
А запели-закричали про Еленьской стих.
Оттого ли дрéва да пошаталися,

А сине бо морюшко всколыбалоси,
А спели-сказали про Еленьской стих.
А говорил ищё князь таковó словó:
«А вы зайдите, калики, в стольней Киев-град.
А заходите в палаты мои белокаменны,
А заходите в палаты к молодой моей жене,
А Настасьюшке нонь да королевичьной —
А заходите ле к ней хлеба-соли есь,
А хлеба соли ись да пива с мёдом пить».
А на то ли нонь калики приослышались,
А поклонились князю-ка стольне-киевскому,
А пошли ле нонь в стольне Кеев-град,
А идут оне по городу шириноцькой,
А подошли нонь к полатушкам белокаменным,
А не к тому ли дворецку государеву,
А становилесе ле калики под окошецьком,
А попросили как у ей нонеча милостыню.
А услышила ле Настасьюшка королевная,
А отворила окошечко нонь крáсно же,
А высунулась она до поеса,
А говорила ле Настасьюшка таковы́ словá:
«Ах вы ой еси, калики перехоžia,
А перехожи вы калики да переброжия!
А заходите ле ко мне во светлые гриднюшки,
А заходите ле ко мне хлеба-соли есь,
А хлеба-соли ись да пива с мёдом пить!»
А на то ли нонь калики приаслышились,
А заходят-де в полатушки белокаменны,
А заходят ли во гринюшки столовые.
А крест тут ле кладут да ле по-писáному,
А поклон ле они ведут по-учéному,
А поклонились ле Настасьюшке-королевныи.
А закричала Настасьюшка-королевна же:
«Ах вы ой еси, слуги мои верныя,
А верны вы слуги неизменныя!
А становите ле столы да всё дубовыя,
А накрывайте ле пищу да всё сахáрную,
А не те ли напитокочки были пьяныя!»
А становили ле столы они скоро-нáскоро,

А накрывали они пици да всё сáхарныя,
А те ли ноне напитокки всё пьяныя,
А поила ле кармила чем надобно,
А подавала ле напитокки пьяныя.
А увидала княгинюшка-королевная
Она Михайла Михайловица удалого,
А пригленулся Михайлушка, доброй молодец,
А стала его звать да в особенну,
А в особенну да в покой в белокаменной.
А пошел и ле Михайло да нынче в комнату,
А во ту ле во гринюшку во столовую,
А не в ту ле нонь в спальню во украшенну.
А повалил он на кроваточку дубовую,
А на ту ле на периночку пуховую,
А пухову периночку шолкóвую,
А сама она легла да на кирпичету печь.
А во вторóм часу ночи да случилось —
А слезла нонь с печки со кирпичетой,
А легла она ле на кроваточку ему дубовую,
А на ту ли на перину да пуховую,
А пухову ле периночку шелкóвую.
А накинула руцьку да ноньчи праву же,
А накинула ножецьку как праву же,
А прижала его к сердечку крепько-на́крепько.
А говорил ле Михайло да сын Михайловичь,
А говорил ле кнегинушке таковы́ слова́:
«Ох ты го́й еси, Настасья, да королевна же!
У нас положена заповедь великая:
А хто из нас, братцы, да заворуетця,
А еще кто из нас, братцы, да за блудóм пойдёт,
Не щади-тко того, крепко казнить того,
А язык его тегнуть да ле во теменем,
А ретиво нонь серце́ — промеж крыльцами».
А говорила ле кнегина-королевная:
«Ох ты го́й еси, Михайло да сын Михайловиц,
А ты останьсе ле у нас да в услуженьицо,
Ты останься у нас нонь да клюцьницьком,
Да клюцьницьком да замоцьницьком,
А во тех ли погребных да целовальницьках.

А я тебе положу жалованье сколько же надобно,
Я положу тебе жалованье да не малое же,
Я чётыреста рублей тебе в месяц же».

А говорит-то калика таковы́ слова́:
«А не на што я ето не согласен же:
А нам сходить впредь к синему морюшку,
А в синем морі да покупатисе,
А во плакунь-траве́ нам нунь покататисе,
А ко святым ко мощам нам приложитесе!»

А на то ли кнегина приогневалась,
А скочила ле с кроваточки дубовый,
А заскочила на печку на муравлѣнку.
А от того ли от гневу от великаго
А сказала слугі́ своему верьному:
«А возьми-ко-ся, слуга, ты ету братынечку,
А братынечку возьми да всё серебрину,
А без которой братыни князь не ест, не пьёт,
А засыпь ле Михайлушку в сумочку!»

А на то ле слуга приослышилса:
А взяла ле нонь да всё братынечку,
А полóжил ле в сумочку Михайлушко.
А стали калики утром перехожиа,
А умывались они да ключевой водой,
А утирались да они да полотенышком,
А надевали сапужочки да всё козловыа,
А надевали все шубочки да куньи же,
А брали-де сумочки да сафьяны же,
А помолилися иконы, право Божьей же,
Благодарили кнегинушку-королевныи:
«А за тот ле за прием да накормили нас,
А накормила да напоила всё допьяна,
А дала ле нам приют да всё хороший же!»

А выходят нонь из гринюшек да столовых же,
А пошли да по дорожецьке широкои.
А день-то они идут да другóй идúт.
А приехал ле князь да стольне-киевской,
А от того ли он морюшка от студѣнаго,
А не с той ли охвотушки тяжелой.
А поставила кнегинушка-королевная же

А на те же на столы питья-кушанья,
А говорит ли еще кнегина да таковы слова:
«Ето были калики да перехоžia,
А перехожи да калики да переброжия, —
А покрали у тя братынечку серебряну,
А без которой ты братынечки не пьёш, не еш!»
А на то ле нонь князь приослышился,
А потребовал Алёшеньку Поповиця,
А говорит-то Алёшеньке Поповицу,
А говорит ещё ле да таковы слова:
«Ето были ле калики да перехоžia,
А перехожи ли калики да переброжия, —
А покрали у меня братынечку серебряну,
А без которой братыни не пью, не ем,
А поезжай-ко скорей за сугоночкой,
А отбери у их братынечку серебряну!»
А седлал ли он, уздал коня доброго,
А седлал ли, уздал да скоро-наскоро.
А видели: Алешенька в стремяна ступил,
А видели ле: Алеша на коня скочил —
А не видели ли поездки да богатырьское,
А богатырьской поездоцки да молодецькой,
А только видят: в цистом полюшки курева́ стоит,
А курева́ ле стоит, да пыль столбом валит.
Он ли бьёт коня по тучным ребрам,
А под им ле нонь конь да россержаётця,
От земли ли он от матушки разделяётця,
А едет ли Алёшенька скоро-наскоро.
А завидел ле он калик перехожиих,
А перехожих ле калик, переброжиих,
А закричал ле Алеша во всю гóлову:
«Ах вы го́й еси, калики да перехоžia,
А перехожи вы калики да переброжия!
А вы покрали ле братынечку серебряну,
А без которой братынечки князь не ест, не пьёт!»
А на то калики приёслышились,
А становились ле калики в единой круг,
А прилетел ле Алешенька Поповичь же,
А говорил Олеша да таковы слова:

«А вы покрали братынецку серебряну,
А без которой без братыни князь не ест, не пьёт!»
А на то ли калики приагневались:
А схватили Алёшу за желты́ кудри́,
А давали Алёшеньке по тяпышу,
А ещё ли прибавили по ёлабышу,
А посадили ле Алёшеньку на добра́ коня —
А поехал ле Алёшенька не по-старому,
А поехал ле Алёшенька не по-прежнему.
А подъезжает Алёша в стольне Киев-град,
А не к тому ли он дворцу государеву.
А встречает ёго да князь да стольне-киевской:
«А што же ты, Алёшенька, не по-старому,
А не по-старому приехал, не по-прежнему?» —
«А схватили меня калики за желты́ кудри,
А снимали у меня да все подштаницьки,
А давали нонь мне-ка по тяпышу,
А ище ле нонь прибавили по олабышу».
А говорил ле нонь князь да стольне-киевской:
«Ты сама нонече крепко виноватой же:
А поступил-то не по-учёному,
Обремизил удалых добрых молодцов.
А послать лучше Добрынюшу Микитичя:
А Добрынюша был роду хорошего,
А хорошаго роду да благородного —
А может ли Добрыня съех'ть-съехаться,
А может ли Добрынюша поклон им воздать,
А поступить ли с има да нонече вежливо!»
А седлал ле он, уздал коня доброго,
А седлал ле, уздал он скоро-на́скоро,
А видели ли Добрыня в стремена ступил,
А видели ли бы Добрынюшу: на коня скочил —
А не видят ли поездочки богатырскойей.
А поехал Добрынюша скоро-наскоро,
А объеждяет он калик перехожих же,
А перехожих калик он, переброжих же,
А слезыва́т с коня да низко кланелса:
«А уж вы здравствуйте, калики перехожия,
А перехожи вы калики да переброжия!

А я спрошу ле-й у вас, всё поведаю,
А случилось теряжа да всё немалая:
А братынечка ле утерялася серебряна,
А без которой братыни князь не ест, не пьёт;
А не попала ле к кому из вас в сумочку?»
А стали ле калики во единой круг,
А втыкали копеичка во сырú землю,
А вешали как сумочки сафьянныя,
А сделали как обыск как в сумочках,
А перебирали эти сумочки-й у каждого.
А стали искать да у Михайлушка,
У Михайла Михайловица-й удалого —
А нашли ле братынечку как в сумочки.
А говорят ле Михайлу да нонь Михайловицу,
А наказание ему дали всё великоё:
А копали его в землю до поеса,
А язык-то оттегнули его теменем,
А ретивó ли серце — между крыльцами.
А отдали ле братынечку серебряну —
А поехал ле Добрынюша скоро-на́скоро,
А пошли ле калики в передню путь.
А где ходят не ходят — всё к ему придут:
А утеролся у их путь — нынче ходу нет
А кленулись перед ним — напрасно же,
А напрасно ле наказали всё.
А кленулисе всё об ём да крепко же —
А отпустил их Михайло да сын Михайловиць,
А не к тому ли ноне морюшу глубокому.
А в плакун-траве они пакаталисе,
А во синем мори да нонь покупалисе,
А ко светым ле мощам да приложилисе,
А пошли ноньче калики да все в обратну путь.
А день-то идут, как другой идут —
А подходят ко граду да стольне Киеву,
А не к тому ли ко дворцу государеву.
А становилисе калики во единой круг,
А говорили ле калики да таковы́ слова:
«Ах ты го́й еси, кнегинушка-королевная!
А для тебя Михайлушка наказали же,

А напрасно мы его наказали же:

Ты, наверное, братынечку с намерением подсунула».

(Тут все и объяснили. Тут дальше и не знаю, что с ей государь-то сделал. Дальше и не помню.)

(Зап. А. М. Астаховой 25 июля 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Гольчикова Якова Евдокимовича, 61 года.)

РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.